

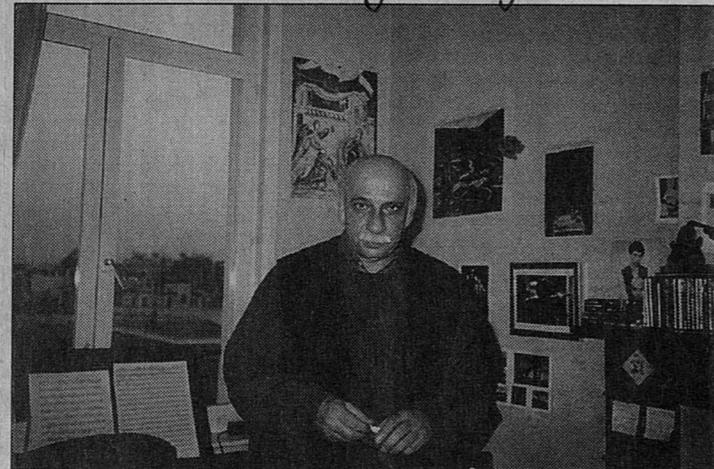
Трудно с уверенностью сказать, где чаще звучит музыка Гии Канчели, — в России или в его родной Грузии, в Америке или в концертных залах Западной Европы. Дискография его произведений внушительна. Журнал "Тайм" назвал его самым значительным автором, появившимся в России после Дмитрия Шостаковича. Он принадлежит к группе сформировавшихся в Европе современных композиторов, в которую наряду с музыкантами из Финляндии и Польши входят Пярт, Губайдулина, Шнитке, Денисов, Сильвестров. Они жили в разных концах страны и были связаны узами дружбы. Гия Канчели создал семь симфоний, камерные произведения, выпущенные на трех компакт-дисках, оперу "Музыка для живых", не считая музыки к 40 кинофильмам и к более чем 40 театральным постановкам. С весны 1991 года композитор живет в Западной Европе, вначале в Берлине, а с 1995-го — по приглашению Фламандского Королевского симфонического оркестра — в Антверпене. Во время нашей встречи Гия показал мне два тома рецензий на его произведения. Я поразились, как много он написал.

Я и сам поражаюсь, — говорит Г. Канчели. — Мой сын сделал каталог моих сочинений, и получилось, что с 1991 года я написал столько же, сколько за период с момента окончания консерватории до 1991 года. Раньше я писал медленнее. Завершив большую работу, мог позволить себе довольно долго обдумывать следующее произведение. Сейчас на это нет времени. Сама жизнь задает иной темп. Как только закончи-

ваю работу над одной вещью, начинаю обдумывать следующую. Вроде бы и неплохо, но порой возникают опасения, не в ущерб ли это качеству.

— **Возможно, в Грузии был иной образ жизни?..**

— В Грузии, помимо работы над моими основными сочинениями, я немало делал для кино и театра, что давало определенную материальную независимость. Поэтому над какой-то одной крупной формой можно было просидеть и два,

и три года. Затем многое изменилось и на моей родине, и в моей судьбе. После года, проведенного в Берлине (это было шесть лет назад, я был тогда удостоен стипендии Немецкой академии искусств), решил некоторое время пожить на Западе — в Грузии сложилась такая обстановка, что домой не спешил возвращаться. К тому же появилось множество заказов. Что в результате? 14 сочинений, все написаны после 1991 года.

Кроме конкретных заказов (фестивали, оркестры, ансамбли), предложения исходят также и от отдельных исполнителей. Так, кстати сказать, было и прежде. Например, когда в 1984 году Курт Мазур обратился ко мне с просьбой написать произведение, посвященное сороковой годовщине окончания второй мировой войны, я понял, что не могу отказаться. Так появилась "Светлая печаль". Однажды после концерта Гидона Кремера в Берлине в

Вечная музыка для живых

Культура - 1997 - Заг. с. 14-15

ответ на мои поздравления он спросил меня, не хочу ли я написать что-нибудь для скрипки. Прошло время. В Амстердаме он пришел на исполнение моих камерных произведений. На сей раз с вопросом обратился я: "Гидон, хотите ли вы по-прежнему, чтобы я написал что-нибудь для скрипки?" Он подтвердил. Так возникло произведение "Лament". Появлением "Сими" ("сими" — струна по-грузински) я обязан Мстиславу Ростроповичу.

— **Сама ваша музыка изменилась по характеру?**

— Думаю, что нет. Музыка — отражение природы человека. Может быть, в ней теперь больше печали, но и надежды тоже.

— **Вы присутствуете на премьерах своих произведений, участвуете в репетициях оркестра?**

— Как правило, да. Это имеет огромное значение для любого автора, в том числе и для меня.

— **Вы сказали, что в каком-то смысле жить на Западе легче, в каком-то — труднее. Обычно, когда у художника много заказов, это его стимулирует, потому что он чувствует, что кому-то нужно его творчество.**

— Думаю, что основным творческим стимулом для любого мастера является сама жизнь со всем, что в ней происходит. Хотя обязанность закончить сочинение в срок, конечно, уже стимулирует. Я не испытываю чувства, что моя музыка кому-то необходима, и вообще считаю, что только время может быть объективным судьей в этом вопросе.

— **Вас сравнивают с Шостаковичем. Как вы сами к этому относитесь?**

— Сравнение — любимое занятие многих рецензентов, и я довольно спокойно отношусь к сравнениям любого рода. Несравнимыми бывают великие. Например — Шостакович.

— **Кто еще из композиторов повлиял на вас?**

— Вряд ли я смогу ответить на этот вопрос. Надо называть либо только Баха, либо перечислять весь список композиторов, чья музыка мне близка и дорога.

— **А что вы можете сказать об иных воздействиях? Хотя бы о фольклоре?**

— Я настолько преклоняюсь перед совершенством грузинского фольклора, что не имею права непосредственно "цити-

ровать" его в своих произведениях. Определенное влияние на творчество в конечном итоге оказывает не только музыкальный фольклор, но и все, что окружает тебя с детства: язык, семья, социальная среда и т.д. Точно так же и религиозная музыка формирует отношение человека к таким понятиям, как красота.

— **Русская культура, в частности, музыкальная, как она влияет на вас?**

— Очень она близка мне, очень. И не только музыкальная. С детства читал русских поэтов и русских прозаиков. Что же касается музыки, то контакты с российскими оркестрами, дирижерами, театрами укрепили мою близость к этой культуре, и связи эти были и остаются самыми тесными и плодотворными...

— **Оглядывая комнату, я замечаю среди портретов друзей и коллег фотографию С.Параджанова.**

— **Вы когда-нибудь работали с Параджановым?**

— К сожалению, нет, не довелось, хотя просто чисто человеческое общение с этой яркой личностью на протяжении многих лет обогащало меня ничуть

не меньше, нежели совместная работа.

Недавно я получил из Парижа аудиокассету с записью одного из первых интервью, данных С.Параджановым за пределами СССР на русском. В этом ярком и смелом не по времени интервью Параджанов очень тепло отзывался о моей опере "Музыка для живых". Зная о его добром отношении к моей музыке, мне тем не менее было бесконечно приятно услышать голос человека, которого высоко ценил, которым восхищался и которого, увы, нам всем сейчас так недостает. С.Параджанов, подобно Парижу, для близких ему людей был и остается "праздником, который всегда с тобой". Я узнал о его оценке моего труда, когда это уже не было в живых. Это особенно тяжело. Уход таких людей, как Параджанов, или, скажем, Бродский, вызывает ощущение особой грусти и пустоты. Сознание того, что где-то в Нью-Йорке живет поэт Иосиф Бродский, как ни странно, помогало мне жить и работать, хотя я не был с ним знаком...

— **Летом 1995 года отмечалось 60-летие со дня рождения композитора. В Тбилиси, Москве, Нью-Йорке и Лондоне прошли концерты, программы которых были составлены из его сочинений. Перелистывая объемистую папку с выдержками из прессы на английском, немецком, итальянском, фламандском и других языках, я говорю, что его музыка очень популярна. Гия, однако, мягко, но вместе с тем решительно меня поправляет:**

— Я думаю, что к подобным произведениям это слово не подходит. Просто одни сочинения исполняются чаще других...

Наверное, есть в музыке Гии Канчели что-то притягательное, что заставляет и слушателей, и прославленных исполнителей возвращаться к его творениям. Может быть, это то самое качество, которое уловил А.Шнитке, когда сказал о музыке Канчели: "В его симфониях за сравнительно короткое время мы успеваем прожить целую жизнь или целую историю. Мы не ощущаем толчков времени, мы, словно на самолете, парим над музыкальным пространством, то есть временем".

Беседу вела
Лариса ДОКТОРОВА
БРЮССЕЛЬ